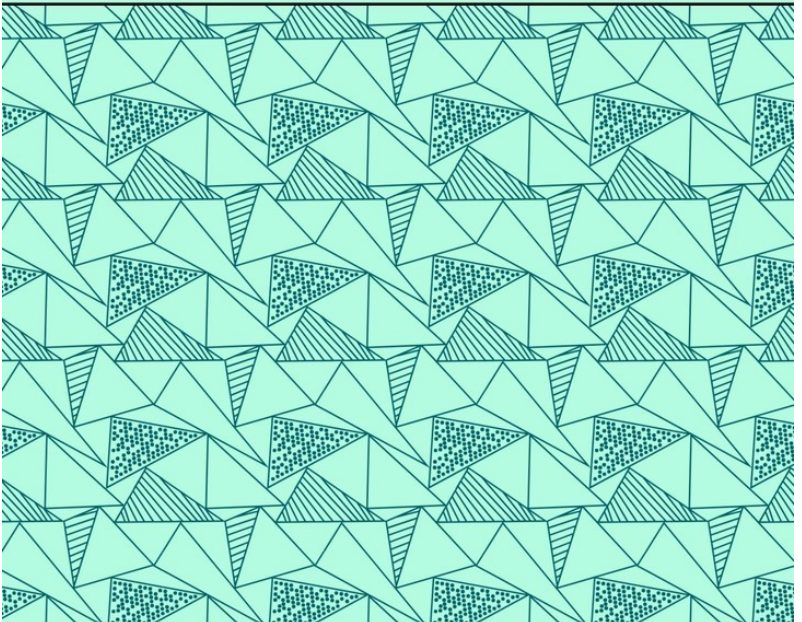

Ольга Камашинская

*Дочь
экстрасенса*

Ольга Камашинская

Дочь экстрасенса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42129670

ISBN 9785449652782

Аннотация

Черeda непонятных трагических событий происходит в жизни процветающей целительницы и экстрасенса Ирины Арбениной. Ей предстоит решить сложный вопрос, что это: роковые совпадения, расплата за талант или происки неведомого врага.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дочь экстрасенса

Ольга Камашинская

© Ольга Камашинская, 2019

ISBN 978-5-4496-5278-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Ирина Георгиевна, пройдите сюда, пожалуйста, посмотрите

внимательно. Знакомы ли Вам эти люди?

Молодой следователь ввел Ирину в холодный зал, неприятно освещенный мертвенно-холодным светом люминесцентных ламп. Сопровождающий их санитар откинул с двух, лежащих на столах тел, простыни, и Ирина увидела обожженные трупы мужчины и женщины средних лет. Следователь наблюдал. Неопределенного возраста санитар с испитым лицом равнодушно продолжал жевать жвачку.

Ожоги были страшные, глубокие, местами до обугливания, кое-где кожа свисала стружьями, обнажая мышцы. Как ни странно, лица пострадали меньше всего. Отечные, в красных пятнах, они все же были узнаваемы. Вглядевшись в них, Ирина узнала своего бывшего мужа Николая и его жену Леру. Ужасная смерть. Немного осевшим голосом она произнесла: «Это Николай Иванович Берестов и его жена Валерия Степановна. Как они погибли?»

Следователь ответил: «Пожар на даче. Причины сейчас выясняем». Они прошли в кабинет судмедэксперта и составили акт опознания. Ирина поинтересовалась, почему вызвали именно ее. лейтенант пояснил, что в начале мая на дачах вокруг их домика, еще никто не ночевал. А в машине

Берестовых нашли записную книжку, где ее фамилия — Арбенина, адрес и номер телефона были записаны на первой странице.»

– Кем доводились Вам погибшие? – спросил он.

– Николай Берестов был моим мужем. Он отец моей дочери. В браке я фамилию не меняла.

– А в каких отношениях Вы были с бывшим мужем и его женой? – заинтересовался следователь.

– Я бы сказала, в нормальных. Виделись редко. Дочь не хотела сближаться с отцом и его женой.

– А когда Вы их видели в последний раз?

– Николая, наверное, две недели назад, а Леру с полгода, случайно встретились на улице.

– Во время последней встречи с Берестовым ссоры между вами не было?

– Нет, конечно, что нам делить? Он просто зашел навещать дочь.

– Скажите, а вчера вечером, между 22:00 и 23:00, что Вы делали?

– Я была на дне рождения у знакомой. Ушла в начале двенадцатого. Можете записать ее адрес.

Следователь записал и отпустил Ирину, взяв, на всякий случай, ее визитку.

Резкий телефонный звонок разбудил ее в шесть утра. А сейчас было около восьми. До работы оставался целый час. Ирина Георгиевна решила заехать в парк и посидеть у пруда,

немного прийти в себя от пережитого. Ей нужно было обдумать происходящее. Эта чередa смертей среди близко знакомых ей людей вызывала беспокойство.

Как она отнеслась к смерти бывшего мужа? Довольно спокойно. Не верилось даже, что когда-то это обгоревшее тело было самым любимым и дорогим для нее человеком. Что она не спала ночами, писала стихи, с дрожью в коленях и слипшимися от волнения губами, спешила к нему на первое свидание. С ним она целовалась часами. Стала женщиной. Пережила много ночей, полных чувственных наслаждений. От него родила дочь. Когда они познакомились? Точно, двадцать пять лет назад. Могли бы отметить серебряную свадьбу. Не сложилось. Но она и не жалела ни о чем. Сидя на скамейке в полупустом парке, вдыхая воздух, наполненным запахом молодых тополиных листьев, и любясь утками, скользящими по глади пруда, Ирина погрузилась в дни своего прошлого.

*** **

Ире повезло с родителями. Ее отец был заместителем директора НИИ оборонной промышленности, видным в своей области ученым – изобретателем. По тем временам семья жила очень обеспеченно. Полногабаритная четырехкомнатная квартира. Двухэтажная дача. Поездки летом в санатории на Черном море. Высокая зарплата отца. Машина. Но главное было даже не это, а ее потрясающий отец.

Старшая сестра Света была легкомысленной особой, учи-

лась на тройки, думала только о тряпках и своей внешности, и с семи лет мечтала выйти замуж. Отец не относился к ней серьезно. Спрашивал об отметках, давал деньги на карманные расходы, возил отдыхать – и этим его воспитание ограничивалось. А Ира была его гордостью. С детства она поражала окружающих своим умом и способностями. Читать научилась в три года, наблюдая, как мать объясняла чтение слогов Светлане. Считать – когда Света мучилась над арифметическими действиями. Ира схватывала все на лету, до сути любого предмета старалась докопаться сама. По глубине понимания она превосходила порой своих школьных учителей, у одних вызывая уважение, других раздражая.

Отец порой проводил с ней «детские семинары». То целый день они с ним говорили о звездах, планетах, черных дырах, а ночью смотрели в телескоп. В другой выходной они с отцом решали задачи, спорили о теории относительности, пытались доказать теорему Ферма. А в следующий выпавший отцу свободный день ехали на природу, наблюдали за жизнью бабочек и жуков, обсуждали язык пчел и социальную жизнь муравейника, определяли породы увиденных птиц, учились ориентироваться в лесу.

С отцом было захватывающе интересно говорить на любую тему, и Ира проглатывала подряд десятки познавательных книг, чтобы с ним их обсудить. Зимой они ходили на лыжах, играли в шахматы и сочиняли буриме. Летом катались на лодке и водных лыжах.

Мать, постоянно погруженная в себя и свои болезни, вела домашнее хозяйство, учила Свету шить, вязать и готовить (чем категорически не хотела заниматься Ирина). Со Светой мать о чем-то говорила по вечерам, они с ней ходили по магазинам, собирали открытки с фотографиями киноактеров. А Ира была папина дочка, и никто не мешал их дружбе. Ира занималась музыкой и английским, ходила в бассейн. Школу она закончила с золотой медалью и поступила на биофак университета.

Нет, Ира не была типичной отличницей в очках, занимающейся до трех часов ночи дома и пропадающей в библиотеке. Училась она легко, без напряжения. Научную литературу читала как беллетристику. Оставалось время и для веселой студенческой жизни. Кафе, вечеринки в квартирах у друзей, выезды с группой на природу. Знакомых парней было много. Они калейдоскопом сменяли друг друга. Два – три раза кино, ресторан или театр, поцелуи в подъезде или в общежитии во время очередного собрания группы. И потом следующий. Но никто не мог покорить сердце умной, ироничной, но немного бесшабашной девчонки.

Отец гордился ее успехами в учебе и у парней, первыми научными студенческими работами. Они продолжали по-прежнему оставаться друзьями. Света рано вышла замуж и уехала жить на Украину.

Когда Ирина училась уже на пятом курсе, готовилась поступать в аспирантуру, и в ее жизнь, наконец, вошла любовь.

Даже не вошла, а ворвалась. Ире исполнилось двадцать два года, и она мечтала о любви, ей хотелось испытать огромную, всепоглощающую страсть. Мечты сбываются, особенно у сильных, позитивно настроенных людей. Как-то раз она пришла домой около восьми часов вечера, после тренировки в бассейне, где готовилась к соревнованиям по плаванию за университетскую сборную.

Она открыла дверь и вошла в квартиру. В коридоре Ира столкнулась с новым аспирантом своего отца, который приходил к нему на консультацию. Парень завязывал свои новые, модные, до блеска вычищенные ботинки. Он выпрямился на все свои сто восемьдесят сантиметров роста. Стройный, высокий брюнет, с ярко – синими глазами, правильными чертами лица и белозубой улыбкой. Красавец из Голливуда. Ирина замерла от восхищения. Глаза в глаза – и стало трудно дышать. Это была любовь с первого взгляда.

Сначала они встречались тайком. Гуляли вечерами по парку, разговаривали, но больше целовались на укромных скамейках в кустах. Их тянуло неудержимо друг к другу. Потом Николай раздобыл ключи от квартиры своей тетки, которая с мужем уехала отдыхать в санаторий. В первый раз Ирина настолько была переполнена любовью и радостью от свершившегося, что физически ничего не испытала, даже боли. Первый раз в жизни она не контролировала себя, а только твердила Николаю, как любит его, читала свои стихи и плакала от накала чувств. Во время следующих их встреч

в этой, довольно обшарпанной однокомнатной «хрущевке» с дребезжащим холодильником и сломанным унитазом, кухней, кишасей тараканами, и грязной ванной, они оба стали испытывать острое наслаждение от близости на чужом, скрипящем диване, который, казалось, вот-вот рассыплется во время их неистового секса.

Ирине казалось, что она тщательно соблюдает конспирацию. Но однажды отец пригласил ее в свой кабинет и спросил в лоб: «Ты что, правда, любишь Николая?» Ирина так же прямо ответила: «Да, папа, больше жизни».

Отец улыбнулся: «Но нет, девочка, жизнью разбрасываться не стоит, она тебе еще пригодится. Жаль, конечно. Пустой он человек. Но сердцу не прикажешь. Потом разберешься, что к чему. Но любовью, как корью, лучше переболеть пораньше, чтобы в зрелом возрасте иммунитет уже был. Парень он физически здоровый, красивый, дети будут полноценными. Ладно, женитесь. Жить можете здесь. Я вам помогу».

Ира была в восторге. Через месяц сыграли свадьбу. Подруги завидовали. Коля играл на гитаре, ходил в турпоходы, хорошо рассказывал анекдоты. И еще он был чертовски красив и сексуален.

Сначала все шло прекрасно. Ира экстерном сдала аспирантские экзамены, ее статьи публиковались в научных журналах и сборниках. Направление выбранных исследований в генной инженерии оказалось очень перспективным и уже

через полтора года после окончания университета, она защитила кандидатскую диссертацию, а еще через год родила дочь Женю.

Правда, Николай оказался тугодумом. С большим трудом, с помощью тестя, ему удалось написать свою диссертацию и получить степень кандидата технических наук. Но Коля не комплексовал по этому поводу. Привыкнув к комфорту профессорской квартиры и к тещиным пирогам, он растолстел, перестал ходить в турпоходы, а полюбил пить пиво у телевизора. Его гитара пылилась в кладовке. Было очень трудно заставить его что-то прочесть или вытащить в театр. Из их с Ирой жизни ушли в прошлое сплавы по горным рекам и скалолазание, симфонические концерты и теннис. Но Ирина на всех этих изменениях не фокусировала внимание. Она была увлечена своей научной работой, воспитанием дочери, а муж в ее жизни отошел на второй план. С отцом они оставались близки духовно, но никогда не обсуждали Николая, которого отец недолюбливал и даже презирал, хотя старался не показывать этого ради своей дочери. Зато мать Иры прекрасно ладилась с зятем, он был ей более понятен и доступен, чем поглощенные наукой муж и младшая дочь.

А потом начались испытания, они пришли, как лавина в горах, неожиданно и быстро, сметая все на своем пути. Скоропостижно умер от инфаркта отец. Ненадолго его пережив, тихонько ушла из жизни мать. Разрушился привычный быт. Некому стало варить сытные обеды и печь пироги.

Стало хуже с деньгами. А потом, перелопачивая судьбу всей страны, началась перестройка, распад СССР, безработица и голод. В НИИ перестали платить зарплаты. Реально стало не на что жить. Каждый выкручивался, как мог. А Николай ничего не хотел предпринимать. Он только брюзжал, ругая правительство, бандитов, страну, жизнь, политиков и вообще все, что придется. Ирина продавала золото, старинные вещи, украшения. Надо было кормить семью, особенно маленькую дочь, которой требовалось для нормального развития, полноценное питание. Иногда ей удавалось подзаработать репетиторством абитуриентов. Или переводом рекламных брошюр. Но постоянного дохода не было. А тут еще пришла телеграмма от сестры: «Срочно приезжай!» И Ирина, заняв деньги, поехала на Украину, где тоже происходили трагические события.

Муж сестры погиб в автокатастрофе, а сама она умирала от лейкоза. Сказалась близость Чернобыля.

Сестра умоляла: «Ира! Забери сына! Обещай мне, что вырастишь его. Ради памяти наших родителей. Ради меня. Больше никому».

Ирина, конечно, не могла предать сестру. И она поклялась вырастить мальчика, как своего сына. Света умерла через несколько дней на ее руках...

Ира похоронила сестру, и взяла Максима с собой. Маленький и испуганный мальчик казался младше своих восьми лет. Он прижимался к ней всю дорогу, когда они еха-

ли в плацкартном вагоне домой. Вагон был старый, дребезжащий и холодный. По нему гуляли сквозняки. Бренчали в стаканах, наполненных слабо-желтоватым горячим чаем, ложечки. На полках лежало влажное сероватое белье. За окнами мелькали убогие деревеньки и деревья с облетевшей листвой.

И жизнь казалась такой же серой и безрадостной. Но чувство ответственности за этого бледного мальчика и за свою дочь заставило жить и искать какие-то новые пути. Когда они выходили из вагона с маленьким чемоданом вещей Максима, он спросил дрожащим голосом: «Тетя Ира, а ты не отдашь меня в детдом?» Ирина поцеловала мальчика и сказала: «Конечно, нет, сынок. Ты вырастешь у нас дома и станешь большим и сильным мужчиной».

Нелегко ей было сдерживать свое обещание. Муж и дочь в штыки встретили нового жильца в доме.

Муж постоянно шипел: «Самим есть нечего, а ты еще пацана приволокла». А четырехлетняя Женя с ненавистью кричала на весь дом: «Ненавижу этого уроды! Отвези его обратно, где взяла! Зачем он нам нужен?!»

Ирина пыталась объяснить дочери, как плохо и одиноко ее двоюродному брату, что у него нет мамы и папы, и он погибнет один. Но на девочку это не действовало. Она не хотела делить свою маму с каким-то другим ребенком. Максим старался быть незаметным, прятался по углам, чувствуя отношение к себе. Ирина старалась всячески поддерживать

мальчика, она подбадривала его, пыталась подружить с сестрой, придумывая им совместные игры и занятия, незаметно от остальных давала съесть что-нибудь вкусненькое.

Изредка Ирина появлялась на работе – но институт фактически уже не функционировал. Деньги не выделялись, и какие-то научные исследования проводить было не на что. Приходилось искать другие заработки. Многие знакомые Ирины, люди с высшим образованием, бросив работу, не приносящую денег, превратились в челноков. Они мотались в Китай и Турцию, закупали там одежду, и, таская на себе огромные тюки, привозили вещи, преодолевая таможенные препоны, бытовые трудности, вооруженные нападения, домой в Россию, одевая своих соотечественников в недорогие импортные шмотки.

Одна из таких приятельниц, Лера, поссорившись со своим компаньоном, у которого была машина, предложила Ире с мужем помогать ей. За определенную сумму денег и вещей из привезенного товара они должны были встречать ее из поездок, помогать отвозить вещи домой, возить ее на барахолку с товаром и обратно. Николай сначала заартачился, но Ирина пригрозила отнять у него ключи от отцовской машины и заняться извозом сама. Муж слишком любил машину, чтобы пойти на такое, и согласился работать.

Сначала Ирина ездила вместе с ними, но увидела, что Николай справляется один, и решила, что в это время лучше заниматься дома детьми и различными своими делами.

Лера не возражала, ей давно нравился Николай. Она стала угощать после работы его вкусными обедами. Специально для него покупала деликатесы и французский коньяк, дарила галстуки, кошельки, рубашки. Николаю нравилось отдыхать в уютной чистенькой квартире Леры. Одинокая женщина была достаточно привлекательна и не закомплексована. И мужское сердце не выдержало.

Николай все чаще и все дольше задерживался у своей любовницы. Там он чувствовал себя любимым мужчиной, окруженным вниманием и заботой. Там не было материальных проблем и вечно ссорящихся детей. И он ушел к Лере. Ирина не удерживала мужа. Она даже почувствовала облегчение, теперь Николай был для нее чужим человеком. Договорились, что на квартиру он претендовать не будет, а машину оставит себе. Николай стал тоже ездить в Турцию и Китай, таскать баулы, торговать на барахолке. Еще больше растолстел, но был вполне доволен жизнью.

А Ирина в этот период была занята другим. Неожиданно для себя она увлеклась магией, хиромантией, астрологией, гаданием и картами Таро. Она захотела подвести под паранауку научную основу. Умение перерабатывать огромные объемы информации помогли ей понять главное, отобрать действующие методы работы, дали умение входить в информационные потоки. Она решила испытать на практике полученные результаты – и стала гадать своим приятельницам. Те были поражены точностью ее предсказаний.

Как-то раз к ней зашла школьная подруга Галя, попросила погадать. Узнав про соперницу, заплакала: «Я так и знала. Он хочет меня бросить. А у нас уже двое детей, и я снова беременна. Как я жить буду? Растить детей? Только на ноги встали, бизнес пошел. Конечно, молодые теперь на него, раз деньги есть, вешаются. И эта тоже». Ирина пожалела подругу и сказала: «Попробую приворожить к тебе мужа, сохранить семью».

Первый раз в жизни она совершала подобное действие, только читала о нем, но все шло гладко, будто она всю жизнь занималась этим.

Через пару недель пришла сияющая подруга с полными сумками подарков для детей. Она же сунула конверт Ирине: «Бери, не отказывайся. Муж ко мне снова так относится, как в медовый месяц. Кралю свою забыл. Ты спасла нашу семью. Спасибо огромное».

В конверте лежало триста долларов. Можно было купить еды, выплатить долг за квартиру.

А через несколько дней в квартиру позвонила незнакомая женщина. Она была модно и дорого одета, благоухала французским парфюмом, с волевым лицом, но все равно держалась как-то неуверенно. На вид ей было около сорока лет. Удивленной Ирине она сказала: «Ирина Георгиевна! Я от Галины. Помогите мне, пожалуйста!»

У нее была та же проблема, что и у Гали. Но эта женщина была директором крупной процветающей фирмы. И, ко-

гда Ирина приворожила к ней любимого мужчину, женщина тоже принесла конверт, но с такой суммой, которую Ирина не заработала бы у себя в НИИ за пять лет работы.

Вот с того времени и потянулись к Ирине клиенты. Устная молва быстро облетела город. Магические успехи Ирины Георгиевны поражали воображение. В доме появились деньги. Сначала они просто отъедались. Потом Ирина оплатила все долги, стала покупать детям и себе новые вещи. А потом стало хватать и на современную бытовую технику и на обучение детей в гимназии и занятия в разных кружках. Ирина купила компьютер, затем себе машину марки «Тойота», сделала в квартире евроремонт. По просьбе детей, в красивом престижном месте на берегу реки, недалеко от города, взяв кредит, построила загородный дом, в котором оставалось провести мелкие отделочные работы.

Конечно, все это пришло не сразу. Ирина бы никогда не стала самым сильным и известным в городе экстрасенсом, если бы ограничилась гаданием и приворотами. Но женщина никогда не успокаивалась на достигнутом. Пришло желание глубже понять восточную философию, тайны эзотерики, методы развития экстрасенсорных способностей. Она стала запоем читать книги Вивекананды и Ошо, Рамачараки и Рериха, Гурджиева и Блаватской, Кастанеди и Безант. Стала заниматься хатка-йогой и медитациями. Ее жизнь становилась все более аскетичной.

Основываясь на древних практиках, Ирина стала разраба-

тывать новые методы усиления возможностей человеческого мозга. Она поняла, что интеллект человека является самым совершенным инструментом познания. Эйнштейну не нужны были лазерные установки и синхротроны для экспериментов. Он совершал великие открытия, сидя за своим рабочим столом с листком бумаги и ручкой в руке.

Результаты пришли довольно быстро, но неожиданно для самой Ирины. Сначала она стала изредка замечать в полумраке комнаты легкое свечение вокруг головы своих клиентов. Потом виденье ауры стало постоянным и не только в полумраке, но и на освещенной солнцем улице. Аура была разноцветной, многослойной, но Ирина научилась расшифровывать ее быстро. Было интересно наблюдать какую-нибудь улыбающуюся приятельницу со сладкими речами на устах и видеть, как вокруг нее полыхают коричневато-красные сполохи неприязни, зависти и агрессии.

Но дальше стало еще интереснее. Как-то раз она сидела в кабинете с клиенткой и услышала: «Как же она мне надоела. Неужели Виктор всегда будет с ней? И ничего не поделаешь – сестра. И квартиру не разменять, слишком маленькая. И видеть их постоянно рядом, счастливых, невозможно. Неужели я ему совсем безразлична, и он ни о чем не догадывается? Что делать?» Ирина удивленно взглянула на девушку. Та пришла снять венец безбрачия, твердила, что не может ни в кого влюбиться. А теперь говорит, что любит мужа сестры. Но девушка сидела и молчала. Она ушла в свои мыс-

ли и не произнесла ни слова. И Ирина поняла, что прочла ее мысли! Поразительно!

Девушка спросила: «Вы мне поможете, Ирина Георгиевна?»

Ирина ответила: «Люда, как же я сниму тебе венец безбрачия, если ты любишь Виктора и хочешь стать его женой, а он – муж твоей сестры?»

Девушка испугалась: «Откуда Вы знаете? Об этом никто даже не догадывается. Да я специально из-за этого советовать в другой город приехала. Не люблю, когда обо мне какие-то разговоры или сплетни ходят».

Ирина успокоила девушку: «И не узнает об этом больше никто, если сама не расскажешь. Я же на то и ясновидящая, чтобы все знать. А тебе надо уехать в другой город жить. Учиться, приобрести хорошую специальность. Чувства твои нестойкие, уедешь – пройдут. Просто тебе мешает постоянное с детства соперничество с сестрой, усилившееся после ее замужества. Надо разорвать этот замкнутый круг. Твоя любовь впереди. Через один – два года встретишь настоящую любовь, но только в другом городе, учти, выйдешь замуж за хорошего человека».

Потрясенная девушка ушла. Через год от нее пришло письмо. Она последовала совету Ирину Георгиевны, уехала в Казань, окончила курсы поваров, устроилась на хорошую работу, познакомилась с парнем, за которого скоро выходит замуж. Приглашала на свадьбу.

Так Ирина начала читать мысли людей. Но это, оказывается, было не очень приятное занятие. Поток мыслей чаще всего представлял из себя нечто невразумительно пустое: «Вот эта девчонка ничего. Попка упругая. А сиськи маленькие. Зато вон у той коровы в берете – большие. А сама – трактор в скафандре. Как наша бухгалтерша. Опять она за одно дежурство ночные не проставила. Сволочуга. Пойду, обматерю завтра. Нет. Не стоит. В другой раз обсчитает. Лучше похорошему договориться. А дочка у бухгалтерши —девочка что надо. С ней бы на природу съездить, в траве поваляться. Или с новой кладовщицей. И грудастая и задастая. Даст или не даст?»

В других случаях это было нечто гадкое, вязко – тягучее, насыщенное злобой и завистью: «Вырядилась, мужиков заманивает. Видно сразу – шлюха. Морда, вон какая гладкая, на косметику тратит, поди, тысячи рублей. Так мужики ей платят. Говорят, проститутки некоторые за раз сто баксов берут, бесстыжие. В два раза больше, чем пенсия. Ну ничего, заболит еще СПИДом. Или какой маньяк избьет, ножом изрежет. Так ей и надо, шлюхе».

У подавляющей массы людей мысли были как заезженная пластинка, с простой мелодией из двух аккордов: шли по одному кругу, повторяясь, примитивные и однообразные.

Вскоре проявилась и еще одна экстрасенсорная способность. Когда Ирина начала видеть ауру, постепенно разбираться в ее структуре, то стала и определять и ее наруше-

ния – болезни, как уже проявленные на физическом плане, так еще и таящиеся на нулевом уровне, не определяемые врачами, даже с помощью приборов и лабораторных исследований. Клинически они беспокоили пациентов неопределенными болями, недомоганиями, общей слабостью. У Ирины во много раз возросла энергетика, которую она научилась поднимать до нужного уровня с помощью йоговских асан и особого дыхания. И она начала восстанавливать своей энергией разрывы в полевых оболочках человека, его ауру. Так пришел дар целительства.

От клиентов не стало отбоя. Записывались за месяц вперед. Чтобы не истощить свои ресурсы и энергетику, больше шести – семи пациентов в день она не принимала. Для уменьшения потока страждущих, Ирина организовала оздоровительные курсы, на которых учила людей восстанавливать и поддерживать здоровье своими собственными силами, чтобы не нуждаться в лекарствах и целителях.

Конечно, трудно жить в потоке чужих мыслей и видеть постоянно обнаженными души людей через их ауры. Но Ирина научилась отключаться. Она воспринимала свой мозг, как какой-то сложный прибор (компьютер или телевизор). Надо увидеть ауру – включаешь одну волну, хочется прочесть чьи-то мысли – переключаешь другую. Пора подлечить кого-то, поворачиваешь тумблер в голове – и вот уже из пальцев начинает струиться целительная энергия.

Ирина никому не рассказывала об этих особенностях сво-

его мозга, не писала научных статей и популярных книг. Она знала, что когда начинаешь говорить о своем даре, то по эзотерическим законам, он пропадает. А этого не хотелось. Никакой мании величия, свойственной многим колдунам и целителям, у нее не развилось. Ирина понимала, что был проделан огромный труд, благодаря особым методам, учитывая опыт многих поколений экстрасенсов, ее организм настроился на определенный информационно – энергетический поток. Так появилась способность видеть ауру, читать чужие мысли, заниматься целительством. Но этой настройкой мозга легко можно сбить или потерять. Разные излишества, вредные привычки, секс, эгоцентризм, грязные мысли, отрицательные эмоции – нарушают работу человеческого мозга.

И тогда он, как старый испорченный приемник, становится непригоден для экстрасенсорного восприятия информации. Она так же знала: раз дано – надо использовать. Еще один закон эзотерики. Ирина все дальше и дальше отдалялась от большинства своих старых друзей и знакомых. Мало кто понимал ее стремление к самосовершенствованию, постоянную работу над собой, напряжение интеллектуальных сил в поисках истины и новых возможностей человека. Видели только внешнюю сторону – успех, высокие заработки, финансовую независимость.

Николай через несколько лет понял, что прогадал. Ему надоело таскать тяжелые баулы и часами стоять и в жару и в холод на барахолке, торгуя вещами. Раньше он навещал дочь

два—три раза в год, а теперь зачастил. Приносил гостинцы, водил Женю в кафе—мороженое и в парк на аттракционы. Женя, милостиво приняв подарки, съев несколько порций мороженого и откатавшись на каруселях и качелях, под благовидным предлогом старалась поскорее ускользнуть от отца, чтобы не слышать его нудных речей: «Женя, я люблю тебя, доченька. Ты же хочешь, чтобы мы всегда были вместе: ты, я и мама. Семья должна жить вместе. Мы будем ездить на дачу, ходить в лес. Я буду маме помогать и тебе тоже. Ты скажи маме, что очень хочешь, чтобы я вернулся. Сделаешь это, доченька?» Женька буркала: «Да» и убежала.

Потом Николай, решив, что почва достаточно подготовлена, пришел к Ирине, клялся в любви, каялся в своей роковой ошибке и просился домой. Но Ирина высмеяла его и прогнала. Николай обозлился и хотел через суд разделить профессорскую квартиру. Но знакомые адвокаты Ирины Георгиевны легко доказали необоснованность его требований. Николай обиделся, успокоился и перестал приходить.

Изредка звонил дочери и на день рождения дарил подарки. Алиментов не платил. Но сейчас в его деньгах нужды не было. Но тут, буквально две – три недели назад, когда они собрались ужинать, раздался звонок. Открыли дверь, на пороге стоял Николай, полупьяный, с бутылкой вина в руке, сказал, что надо поговорить. Его позвали к столу. Ели молча, а потом, поев и выпив, он начал паясничать и говорить гадости: «Что, богатые стали. Коситесь на меня, как на тара-

кана, даже разговаривать не хотите. Гордые. И теперь торгаш с барахолки вам ни к чему. С ним и за одним столом сидеть запаadlo? Так, что ли? А ты, Ирка – кто сама-то? Гадалка. Да как ты можешь людям головы морочить? А еще кандидат наук. Материализм научный изучала. Ни хрена ты не видишь, говорить только умеешь, повесишь лапши на уши, а денежки в карман. Хорошо устроилась!»

«Да пошел ты» – Ирина встала и хотела уйти к себе. Николай продолжал бухтеть: «Правда – матка глаза режет?!»

Максим вскочил: «Ну, ты меня, падла, достал! Когда у нас в доме есть было нечего, ты смылся, пристроился, как альфонс, к бабенке за жирные щи и пироги, служить. А теперь, гнида вонючая, приперся!»

Он схватил Николая за шиворот, потряс, а потом, толкая и пиная, вышвырнул за дверь квартиры.

Побледневшего Максима тогда трясло от ненависти: «Прибил бы эту сволочь, прямо здесь, только руки марать не хочется». Ирина успокаивала парня: «Да брось ты, он просто слабый человек, не выдержал испытаний, которые выпали тогда на нашу семью, да и на всю страну в целом. Не все люди сильные и верные, способные защитить себя, своих детей, любовь. Ну не убивал же он, не грабил. Просто предал нас в трудные дни – вот и все, что сделал плохого».

Максим сказал: «Ненавижу слабых людей» – и пошел курить на балкон, чтобы снять напряжение. Видимо, у него тогда всплыли в памяти воспоминания, как его этот «дядя»

попрекал куском хлеба.

Ирину этот визит совсем не взволновал. Все это: любовь, совместная жизнь – были далеко в прошлом. Женя, когда узнала, что без нее приходил отец и пытался скандалить, пожалела, что ее в этот момент не было дома: «Уж я бы ему высказала все, что думаю о нем!»

Да, кстати, детей-то своих у Леры не было. Получается, Женя – единственная наследница их имущества. Вот теперь у нее к двадцати одному году будет своя квартира и машина. Вот тогда пусть и отделяется. Что-то она поговаривала насчет жениха. Пусть выходит замуж за этого своего художника или дизайнера, кто у нее там сейчас. А то стала совсем неуправляемая. Ночные клубы. Гонки без правил. Толпы то лохматых, плохо пахнущих парней в квартире; то каких-то бритоголовых качков и хохочущих, продажного типа девиц на даче. Вероятнее всего, выйдет замуж – и кончатся пьянки, «энергетики» и разные рискованные авантюры. Ирина вздохнула.

Максим рос послушным, вежливым мальчиком. Он хорошо, ровно учился. Учителя не могли на него нарадоваться. И она, Ирина, не знала никаких со своим племянником хлопот. Правда, он был угрюм и слишком застенчив, но постепенно стал более общителен.

Но зато Женя всегда была трудным и упрямым ребенком. Своевольная, скандальная, драчливая – она с раннего дет-

ства с кем-то ссорилась, потом мирилась, дралась с пацанами и девчонками, орала на весь двор, обзывала старушек. Обливалась с балкона водой, лазила по деревьям и крышам. В школе пререкалась с учителями, постоянно с кем-то враждовала и выясняла отношения. Не слушала мать и делала все по-своему. С ней было трудно, а порой и невозможно найти общий язык. Ирине постоянно приходилось то вытаскивать дочь из вопящего дерущегося комка тел, то выслушивать замечания учителей или жалобы соседей. А в старших классах даже ходить к инспектору по делам несовершеннолетних (драка, мелкое хулиганство, оскорбление милиционера). Ирина обращалась к психологам, опытным педагогам и воспитателям, читала книги по детской и семейной психологии. Но никакие ее усилия к исправлению дочери не приводили. Хотя, может быть, не делай она всего этого, Женя вообще бы скатилась на самое дно.

Глава 2

Джейн проснулась от своего крика. Снова этот жуткий сон. Она услышала свое прерывистое дыхание и почувствовала отчаянно бившееся сердце в своей худенькой детской груди. Снова и снова сон врывается в ее уже пробудившееся сознание. Сначала луна освещает красивый серебристый снег. Потом ее заволакивает темная туча. Ночная темень, зловещие ветки деревьев. И тяжелые шаги наступающего преследователя. Она бежит, бежит на пределе сил, но путается в каких-то зарослях, падает. И ее догоняет крупный, буквально огромный, как ей кажется с земли, мужчина. Хватает своими железными, цепкими руками, стискивает, ломая ребра. Невыносимая боль. Ее крик в ночи. И ужас от ожидания страшного конца. Этот сон повторяется постоянно вот уже год. И каждый раз ей становится все страшнее и страшнее.

Вбегает испуганная дежурная воспитательница, обнимает, успокаивает, дает выпить какие-то капли с сильным запахом валерьянки. Джейн перестает дрожать и всхлипывать, но до утра уже не может заснуть.

Джейн не помнит своих родителей и то, как она попала в приют. Но, когда стал повторяться этот ужасный сон, она как-то раз услышала разговор двух воспитательниц. Одна сказала: «Бедная девочка. Может этот сон, от которого она

кричит по ночам – ее детская память о страшной гибели родителей?» На что мадам Бэнсен ответила: «Вряд ли такое возможно. Джейн была совсем крошкой и не могла ничего запомнить».

И Джейн действительно ничего не помнила о своем раннем детстве. Вся ее двенадцатилетняя жизнь прошла в приюте небольшого приморского городка. Здесь к ним относились очень хорошо. Кормили, одевали, учили шить, вязать, готовить, танцевать, играть на фортепиано. К ним приходили преподавательницы и проводили занятия по тем же предметам, что и в соседней гимназии. Девочки чинно гуляли и играли по парку или по набережной в сопровождении дежурной воспитательницы. По воскресеньям ходили в церковь. В приюте была хорошая библиотека, и девочки много читали. Особенно большим спросом у них пользовались любовные романы Джейн Остин и Шарлотты Бронте. Мечтали. Думали о мальчишках. Как все девчонки их возраста, ссорились и мирились. И Джейн даже не представляла, как это – жить вместе с мамой и папой, а не в большой компании девочек разного возраста.

Утром Джейн неожиданно вызвала к себе директор приюта мадам Дюваль. «Какую провинность я совершила?» - думала немного испуганная девочка, когда шла по длинному коридору в кабинет директора.

Но мадам Дюваль встретила Джейн приветливо, усадила в большое удобное кожаное кресло, сама села напротив

и спросила: «Как дела, Джейн?» На Джейн смотрели умные, внимательные глаза. Седые волосы на висках. Прямая спина. Строгий темно-коричневый костюм. Хотя мадам Дюваль никогда не кричала на воспитанниц и строго не наказывала их, почему-то все они уважали и побаивались ее. Даже сам кабинет, с его дубовой мебелью, огромными книжными шкафами и тяжелыми портьерами на окнах, внушал уважение.

Джейн, потупившись, ответила: «Спасибо, мадам Дюваль, все хорошо».

Но опытный педагог видела напряженный взгляд девочки, бледность, темные круги под глазами. Она знала о ночных кошмарах своей воспитанницы, поэтому продолжала: «Тебя что-нибудь тревожит, Джейн?»

Тогда, поборов робость, Джейн решилась: «Мадам Дюваль, я постоянно вижу один и тот же кошмарный сон. Мне страшно. Я все время чего-то боюсь. Боюсь ночи, темноты и даже днем боюсь гулять по парку. И еще одно. Я хочу знать, кто мои родители. Живы ли они?»

Мадам Дюваль задумчиво посмотрела на девочку: «Хорошо, Джейн. Ты достаточно взрослая девочка и должна знать правду. Я расскажу тебе то, что знаю сама. Ты была единственной дочерью очень хороших людей, моих знакомых. Их звали Мэри и Алекс. Они были учителями, преподавали в школе шахтерского поселка и жили в своем доме на его окраине. Однажды поздно вечером, когда они уже собирались ложиться спать, к ним в дверь постучал незнакомый

мужчина и попросил дать ему приют. В ту холодную, ветреную очень он шел издалека, вымок под дождем и замерз. Они выпустили странника, накормили, обогрели около камина, постелили ему постель. А это был беглый каторжник, очень жестокий человек. Ночью он убил твоих спящих родителей, взял их деньги, драгоценности, теплую одежду и поджег ваш дом. Проснувшиеся соседи вызвали пожарных. Тебя чудом удалось спасти». Мадам Дюваль замолчала.

– А тот каторжник, он жив? – спросила Джейн.

– Нет, Джейн, полицейские убили его во время преследования. И я думаю, моя девочка, сейчас из твоего подсознания у тебя выходят те страхи. Современные психологи считают это возможным и умеют такие состояния лечить. И у меня для тебя хорошая новость. К нам в город приехал врач – психиатр, он как раз занимается подобными проблемами. Учился у самого Фрейда. И я договорилась с ним – доктор обещал тебе помочь.

На следующий день Джейн позвали к доктору Филсу. Сначала девочка очень испугалась мужчину. Крупная фигура. Немигающие холодные глаза. Но потом доктор улыбнулся и очень мягко произнес: «Не надо меня бояться, Джейн. Я хочу избавить тебя от страхов, чтобы ты снова стала веселой и здоровой. Давай мы поможем друг другу!»

Его голос завораживал. Впервые Джейн увидела мужские глаза, пристально рассматривающие ее. Преподавателей – мужчин у них в школе не было. И гулять поодиночке по ули-

цам города им категорически запрещалось, и теперь, видя рядом с собой сильного мужчину, Джейн даже подумала, что это, наверное, неплохо – иметь отца, чтобы чувствовать постоянно его силу и опору.

Доктор начал расспрашивать девочку об ее учебе, учителях, развлечениях, воспоминаниях детства и о мечтах. Постепенно Джейн разговорилась, иногда даже говоря то, что хотелось бы скрыть, выдавая свои маленькие девичьи тайны. Но ее раздирали противоречивые чувства. Голос доктора вводил в какое-то полусонное состояние, расслаблял и успокаивал. Хотелось что-то говорить, чтобы слышать новые вопросы и как бы качаться на волнах этого приятного голоса. Но его глаза... они тревожили, вызывали какие-то не очень приятные чувства. В них было невозможно что-то прочесть. Ни мыслей, ни сочувствия, ни каких-то других эмоций. Стена. Но постепенно необъяснимые страхи ушли, и Джейн попала полностью во власть вкрадчивого голоса. Она даже задремала. Проснувшись от слов доктора: «А сейчас ты встанешь бодрой и хорошо отдохнувшей. И через два дня мы встретимся снова».

Действительно, Джейн себя почувствовала значительно лучше после сеанса психотерапии. И, когда воспитательница спросила, будет ли она продолжать дальнейшее лечение, девочка согласилась. И она стала приходить в кабинет доктора два раза в неделю. Воспитательница поджидала ее в холле, читая книжку. Только на четвертом сеансе Филс перешел

непосредственно к обсуждению ее страхов (темноты, одиночества, деревьев) и к тому самому сну.

Никому раньше Джейн подробно не рассказывала свой сон. На расспросы подруг и воспитательниц она только начинала дрожать и говорила прерывающимся голосом: «Меня там убивают». Но с мистером Филсом они обсуждали этот сон со всеми мельчайшими подробностями. И Джейн впервые заметила, как загорелись глаза доктора. Она даже с умилением подумала: «Как он хочет мне помочь! Я ему обязательно тоже сделаю что-нибудь хорошее». Несколько сеансов они с доктором провели, работая над страхами Джейн. И девочка стала себя чувствовать намного увереннее. Ночные кошмары уже больше не мучили ее. И она теперь засыпала в своей комнате без света и даже могла ночью пройти из комнаты в туалет по плохо освещенному коридору, не будя, как раньше, для сопровождения свою соседку. Наконец, доктор спросил, улыбаясь: «Но и теперь, ты, моя смелая девочка, ничего не боишься?» Джейн подумала и честно ответила: «Когда просыпаюсь ночью и гляжу в окно, мне становится очень страшно. В доме уже почти не боюсь, а на улицу выйти не могу».

Доктор сказал: «А хочешь, я тебе помогу полностью избавиться и от этого страха? Чтобы ты, когда станешь взрослая, уже ничего не боялась?» Джейн, конечно, хотела. Она с ужасом представляла, что сон может вернуться, если дело не довести до конца. А погибать каждую ночь – это было

уже не в ее силах. Тогда доктор изложил свой план лечения. Он объяснил, что надо идти навстречу страху, а не прятаться от него, и только тогда страх окончательно уйдет. И они должны провести эксперимент, но, чтобы никто не помешал ему, нужно его хранить втайне от всех. Джейн согласилась.

И тогда он сказал, что надо делать. Ночью, когда все уснут, он предлагал Джейн одеться, открыть окно своей комнаты и вылезти в него. А он будет ее ждать напротив, у забора, и они вместе пойдут, погуляют по парку. Чтобы Джейн поняла: ночь такая же, как день; все такое же вокруг, только вместо солнца светит луна. Разница всего лишь в освещенности окружающих предметов. Когда Джейн убедится в этом на собственном опыте – все оставшиеся страхи исчезнут без следа, и это будет их общей победой. Джейн еще раз подтвердила свое согласие на ночной эксперимент.

Ей очень нравилось то, что взрослый мужчина уделяет ей так много внимания. Она пыталась разгадать, почему. Может, у него нет детей, и он относится к ней, как к дочери? Сколько ему, интересно, лет? Тридцать пять? Сорок? А может... И тут сердце девочки сладко замирало. А может, он полюбил ее. И, когда она вырастет, они поженятся. Конечно, доктор гораздо старше. Но Джейн прочла много книг про любовь и знала, что мужчины бывают часто намного старше своих жен. И поэтому Джейн с готовностью согласилась на эту ночную прогулку по парку. Да и что с ней может случиться, если рядом такой сильный и умный мужчина?

Весь следующий день девочка с напряжением ждала вечера. Она была невнимательной на занятиях и ей даже пару раз сделали замечания учителя. Особенно долго тянулись вечерние часы. Каждая минута длилась так долго, словно самый нудный урок. Она все время смотрела на циферблат. Час тридцать ночи – как еще долго ждать!

Но, наконец, девочки стали укладываться спать. Стихли шаги в коридоре. Засопела соседка по комнате, свернувшись калачиком на левом боку.

Джейн то испытывала прилив приятного томления от предвкушения предстоящей встречи с доктором, то, наоборот, ее охватывал страх и какие-то страшные предчувствия вызывали приступ оцепенения. Но она отгоняла плохие мысли прочь. Тайком, в темноте, оделась. Тихонько отворила окно (шпингалеты она отодвинула предварительно днем, чтобы не шуметь ночью).

Время пришло. Полвторого ночи. Джейн вылезла из окна, чуть замешкавшись, спрыгнула на клумбу с высоты первого этажа. Дрожа, подбежала к забору, где в тени деревьев уже ждал доктор Филс. Он обнял девочку: «Ну ты и молодец! Пришла все-таки. Теперь, точно, мы расправимся с твоими страхами. Пойдем!»

Они выбрались через приготовленную заранее дырку в заборе, и пошли в сторону парка. Была поздняя осень. Полнолуние. Весь день падал пушистый снег. Теперь снег покрывал землю и красиво серебрился в лунном свете. Джейн шла,

вцепившись в руку доктора, тот не протестовал. При ярком свете луны не было страшно идти, узнавая знакомые дома и переулки. Тем более это было так красиво – серебристый снег и огромная луна на фоне темно – синего неба и мерцающих загадочно звезд. Волнение немного улеглось.

Вот и парк. Сначала они прошли по центральной аллее. И снова Джейн поразились красоте ночного пейзажа. «Наверное, поэтому влюбленные гуляют по ночам – все так загадочно и по-особому красиво» – подумала девочка. Потом они свернули на боковую аллею и прошли в гущу деревьев по какой-то узкой тропинке. Неожиданно все изменилось. Луну скрыла огромная туча. Стало совсем темно. Джейн посмотрела вокруг – и задрожала от страха. Это было то самое место, из ее кошмарных снов. Нависшие ветви деревьев. Пугающее безмолвие и темнота вокруг. И тут она почувствовала, что рука доктора тоже почему-то задрожала. Взглянула на него и увидела зеленые, зловеще мерцающие в темноте глаза. И ей стало по-настоящему страшно. Она сначала замерла, но тут мужчина стал ее обнимать. Оцепенение прошло, девочка вырвалась и кинулась бежать, не разбирая дороги.

«Стой! Ты куда?!» – сначала кричал доктор, а потом она начала слышать только его тяжелое дыхание, шум шагов и треск ветвей. Девочка в панике бежала на пределе сил, задыхаясь от ужаса и быстрого бега. Но тут она споткнулась о какую-то корягу, упала. И, не успев подняться, ощу-

тила, как на нее наваливается грузное тело. Сильные руки ломали ей кости, выкручивали суставы, душили и мучили ее несчастное худенькое тело. Боль невозможно было терпеть. Но кричать она уже больше не могла. Наконец, всю истерзанную и полузадушенную, доктор Филс взвалил девочку на плечо и куда-то понес. Он долго ее тащил по каким-то зарослям, а потом бросил у большого дерева. Достал из дупла веревку, затянул на шее у нее особым узлом. Разорванными губами Джейн пыталась крикнуть: «Не надо!». Но из окровавленного рта вырвались только какие-то сиплые, неразборчивые звуки. По небольшой складной лесенке мужчина вместе с девочкой поднялся до первого большого сука, привязал веревку и сбросил тело вниз. Она даже не успела почувствовать в этот раз боли. Смерть наступила сразу. И только душа ее, поднимаясь, видела висящее на ветке дерева детское тело, а внизу мужчину со страшной улыбкой на лице и мертвыми глазами.

*** **

Женя проснулась от своего крика. Да сколько он будет повторяться, этот дурацкий сон! Да еще в таких подробностях. Каждое ощущение, каждая мысль были такими реальными, будто это чувствует именно она и именно сейчас.

Ну кто ей эта девчонка – сирота из какой-то европейской провинции начала XX века? Время действия и место она определила довольно точно, по одежде персонажей сна и архитектуре зданий города. По тому, входящему в моду пси-

хоанализу по Фрейдю, которым занимался с этой девочкой доктор-садист. Но легче от этого не было. Повторяющиеся сны выбивали жизнь из колеи. Башню от них сносило сразу на несколько дней. Самый тяжелый был вот этот. Как будто все это происходило с ней. Причем, если другие сны после пробуждения стирались из памяти быстро, то этот будто был выбит в мозге тесаком. И даже тело после него болело и ныло. Было еще два других сна. В одном из них добрый дяденька, похожий на психа доктора Филса, возил маленькую девочку на разных каруселях, а потом насильовал и убивал в кустах. Но его Женька видела всего три раза и то, как бы со стороны. А вот третий сон, он менялся каждый раз, нет, действие было одно и то же. Поездки куда-то за город, где начинали происходить разные события, опасные для жизни. То поезд въезжал в какую-то зараженную радиацией зону, и надо было выбраться оттуда очень быстро, а вокруг зоны была натянута проволока и стояли охранники. Или в машине оказывалась парочка бандитов, от которых нужно было смыться. То у какой-то реки готовилось массовое убийство купающихся граждан, и Женя с друзьями вынуждены были бежать через лесную чащу, чтобы остаться в живых. То за Женей ночью начинали охотиться вампиры, сначала очень похожие на хороших и знакомых людей.

Но, несмотря на разную обстановку, во всех снах было одно и то же: опасность, преследование, бегство и спасение. Вариантов третьего сна было бесчисленное множество. Одно

радовало, что везде она, после всех погонь, страха, гибели окружающих, оставалась жива и целехонька. Может, конечно, сны были итогом беспорядочно просмотренных в огромном количестве триллеров и боевиков, но, тем не менее, эти сны сказывались на ее общем состоянии, самочувствии и даже на здоровье. Возможно, из-за них Женька так сильно не любила одиночество.

Она физически не могла долго оставаться одна в квартире или где-нибудь еще, поэтому вокруг нее всегда роился народ: сомнительного качества подружки, друзья – приятели, просто знакомые. Еще Женя боялась темноты. И вообще постоянно присутствовало ощущение какой-то неопределенной опасности, таящейся рядом. Правда, знакомый психиатр после совместно выпитой бутылки коньяка, утешил девушку, он по-умному объяснил, что у каждого человека существует определенный уровень базальной тревожности. И это в порядке вещей.

А вот мать Жени с этим согласна не была. Она пыталась внушить дочери, что человек – это часть Вселенной, а целое не может быть врагом какой-то своей части. Разве человек враг своему мизинцу на правой ноге? Поэтому, говорила мать, не надо ничего бояться в этом мире. Нужно просто отдаться потоку жизни, и постоянно ощущать себя частью Великого целого. И тогда придет чувство уверенности и спокойствия. Мы не просто так живем на этой Земле. Космический разум (для интеллектуалов), Бог (для верующих) –

определяют наше предназначение, потому что все во Вселенной разумно и целесообразно, начиная от круговорота воды в природе и цикла развития бабочки, и кончая рождением сверхновых звезд и новых цивилизаций, и каждый рожден ради выполнения какой-то своей задачи. У кого-то это Миссия (открытия, революции, книги, создание архитектурных памятников или опер). Но не все люди рождаются Эддисонами, Мусоргскими и Пржевальскими. У большинства людей цель гораздо проще, например, вырастить двоих детей и честно отработать свои тридцать пять лет, от окончания техникума до пенсии, бухгалтером в ЖЭУ №35.

У каждого свой уровень жизни и задач. Мать так же говорила, что нужно стараться всю жизнь к чему-то стремиться, отрабатывать кармические уроки, самосовершенствоваться, чтобы в следующем воплощении перейти на более высокую ступень. А будешь что-то делать не по космическим законам (убивать, обманывать, распутничать, пить) – так карма шахрахнет не только в этой жизни, но еще и до следующей доберется.

Мать верит в реинкарнацию, существование души и ее вечную жизнь, с новыми воплощениями. Слушать ее конечно, интересно. Но порой так достает – мало не покажется. Ну почему нельзя пить энергетики? С ними хоть про свои страхи забываешь, да и весело становится. Бодрость приходит. На занятиях не заснешь. И всю ночь в клубе отрываться можно.

Если мать еще в клуб отпустит. А то встанет на дыбы – и ни в какую. Возвращайся не позже часа ночи. А в клубе только самое интересное в это время начинается. Еще она твердит, без сопровождающих мальчиков, одного, а еще лучше, двух, никуда поздно не ходи (позже девяти вечера – а это вообще – детское время!) А с сопровождающим мужским хвостом, как она этого не понимает, с новыми мальчиками не познакомиться. А хочется новых, интересных знакомств. И почему нельзя целоваться с девочками? Какая разница с кем? И чем плох минет? А мать утверждает, не туда, дескать, пойдут энергетические потоки. Сбой всей энергетики организма наступит, и начнутся болезни. Ей поясняешь, что это у них, в эпоху дремучего развитого социализма, такие отсталые представления о сексе были. А сейчас другое время. А она в ответ начинает исторические примеры приводить, про Нерона и других древнеримских императоров рассказывать. У них, много веков назад, садомазохизм и другие извращения еще покруче современных были, и ни до чего хорошего Рим не довели.

А еще раньше мать разрешала дома ночевать Жениным друзьям, а теперь заартачилась, приходит и начинает открытым текстом намекать, чтобы уходили около двенадцати часов ночи. Когда ей говоришь, некрасиво людей выгонять, кому они мешают? Твердит – не хочу в общей толпе по утрам в очереди в туалет и душ стоять. В свою квартиру, говорит, когда будет, приводи кого хочешь. Устраивай из нее ночлеж-

ку или общежитие, если не противно.

А я свою, говорит, после евроремонта не собираюсь в гостиницу превращать. Раздражает ее почему-то грязный унитаз и мокрые полотенца на полу. Ну это же ерунда, легко можно убрать или отмыть. А квартира, когда она еще будет? Жметя, мымра, не хочет покупать. Женя от обиды даже всхлипнула. Ругаться она любила и умела. И обычно в ходе бурной перепалки выбивала из матери все, что хотела: новые вещи, косметику, деньги на поездки и т. д. Но в некоторых вопросах даже многочасовые скандалы не приносили ожидаемого результата.

Так мать не разрешала ей переводиться на заочное отделение ВУЗа, брать академотпуск, отказалась покупать машину, категорически запретила просто жить с каким-нибудь парнем на квартире или у них дома. Говорила, что такое сожительство, без всяких обязательств, удобно только мужчине, а женщину унижает. Оно означает, что парень не готов брать на себя ответственность за девушку, с которой живет, не собирается от нее заводить детей и, значит, не особенно ее любит. Потому что вершина любви – это желание иметь детей от любимого человека. Просто мать слишком серьезно ко всему относится. А если человек просто еще не созрел для кастрюль, пеленок и всего такого, что же ему, вообще не трахаться? Или ждать любовь? А если эта любовь – вообще не придет? Или притащится лет в тридцать, когда ничего уже не надо будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.